

М. Ф. МУРЬЯНОВ (†)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ АЛЕКСАНДРА БЛОКА
(Стихи о Голубиной книге: текст, контекст и подтекст) *

Послесловие А. Л. Гришунина

(С приложением неопубликованных воспоминаний Л. Д. Блок)

19 марта 1903 г. студент второго курса славяно-русского отделения филологического факультета Петербургского университета Александр Блок дебютировал в литературе — основанный незадолго до этого ежемесячный петербургский журнал «Новый Путь» в своей третьей книжке опубликовал десять стихотворений юного поэта под общим названием «Из посвящений»¹.

К этому моменту Блок был уже вполне сложившимся художником, автором нескольких сот стихотворений. О нем знали не только в кругу близких; его ровесник Борис Бугаев (Андрей Белый), студент-математик Московского университета, увидел стихи Блока в доме Соловьевых²: «В начале сентября 1901 года я вернулся Москву. В первое свое посещение Соловьева я ознакомился с рядом стихотворений А. А. <...> Впечатление было ошеломляющее. Стало явно: то <...> что через 15 лишь лет дошло до сознания читательской публики <...> что А. А. — первый поэт нашего времени» (Белый 1922а, 15; ср. Цинговатов 1926, 14). Белый не только начал распространять переписанные от руки произведения своего будущего друга, но решился на необычное: процитировал стих «молодого поэта А. Блока „Предчувствую тебя... Года проходить мимо“» в рецензии на концерт, опубликованной в

* Статья М. Ф. Мурьянова, написанная в 1971 г., была тогда же подготовлена им к печати, однако не увидела свет, скорее всего, по цензурным причинам. Впоследствии, когда идеологические условия изменились, автор, судя по всему, уже не имел возможности свою статью доработать: расширить источниковедческую базу, обновить библиографию и т. д. (хотя известно, что он по-прежнему придерживался точки зрения, высказанной в публикуемом исследовании). Разумеется, мы не могли взять на себя смелость проделать эту работу за покойного ученого, и потому его труд печатается почти в том виде, в каком вышел из-под его пера. Мы позволили себе только незначительную стилистическую правку, дополнили авторское заглавие редакторским подзаголовком (с тем чтобы привести в соответствие название исследования и его предмет), разбили текст на пять тематически самостоятельных разделов, а также устранили небольшое число явных анахронизмов, которые трудно расценить иначе, как уступку времени. — Ред.

«Мире искусства» в ноябре 1902 г. (Белый 1902а, 303); это и стало первым появлением имени Блока в печати.

Конечно, не у всех стихи Блока вызывали такой восторг, как у автора только что опубликованной «Драматической симфонии». Еще осенью 1900 г. Блоку отказал редактор журнала «Мир Божий», а в сентябре 1901 г. стихи, посланные в издательство «Скорпион» на имя Валерия Брюсова, не дошли по назначению (Блок 1963, 7: 14³; 1965, 21, 521). Когда П. П. Перцов, получив 3.VII 1902 разрешение издавать журнал «Новый Путь»⁴ и приступая к собиранию материала, в том же месяце написал Брюсову, назначенному на должность секретаря редакции: «Знаете ли Вы поэта Блока? <...> У меня два его стихотворения — удивительно красиво и удивительно непонятно. Стиль Вл. Соловьева, но гораздо воплощенное», — Брюсов ответил: «Блока знаю. Он из мира Соловьевых. Он — не поэт» (Перцов 1933, 252—253). Для самого себя три месяца спустя Брюсов отметил впечатления о литературной молодежи: «Всех этих мелких интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее, вовсе не мелкий, а очень крупный Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России» (Брюсов 1927, 122).

Журнал «Новый Путь» издавался триумvirатом в составе Перцова, Зинаиды Гиппиус и Д. С. Мережковского; последнему стихи Блока не понравились, и чаша весов склонилась мнением Гиппиус. Поскольку была договоренность помещать в каждой книжке журнала одного поэта, «февральская книжка была отдана Сологубу, а март предназначался для З. Н. Гиппиус. Но она сама пожелала уступить этот месяц Блоку; март казался самым естественным, даже необходимым месяцем для его дебюта: март — месяц Благовещенья. Со стороны молодого журнала была некоторая отвага в таком решении: выдвигать уже в третьей книжке дебютанта, о котором заранее можно было сказать, что „широкая публика“ <...> не примет его <...> Но хотелось „пустить“ Блока — и именно в марте... „Букет“ его стихов составилась легко и был подобран самим автором» (Перцов 1922, 15—16).

Пользуясь предоставленным ему правом подбора, Блок открыл свое выступление стихом, столь поразившим Белого:

Предчувствую Тебя. Года проходить мимо —
 Все въ обликъ однонь предчувствую Тебя.
 Весь горизонтъ въ огнь — и ясьнь нестерпимо,
 И, молча, жду, — тоскуя и любя.

До выхода журнала, в своем первом письме к Белому 3.I 1903 Блок сказал, что в «Драматической симфонии» и в концертной рецензии Бе-

лого ему слышатся духовные стихи — они «настойчивы и неотвязны» (8: 52). Нетрудно убедиться, что собственно духовных стихов как специфического фольклорного жанра нет ни в одном из названных произведений Белого. Ключом к словам Блока, по-видимому, является тема глубины в рецензии Белого: «Люди становятся символами — углубляются. Мы слушали углубленное пѣніе — зовѣ оттуда... Мы услышали поступь глубины, тяжелую, вкрадчивую... Глубина еще притаилась въ нашихъ сердцахъ... Но глубина воззоветъ звѣздноміровымъ.

А она пѣла: „Кѣ вамъ я взываю, тайны познавшіе“... (Хованщина).

Это глубина говорила съ глубиной» (Белый 1902а, 304).

Эта же глубина по-своему звучит в стихотворении Блока, написанном на тему духовного стиха о Голубиной книге (см. Бессонов 1861, 269—378) и помещенном в дебютной подборке под № IX:

Царица смотрѣла заставки —
Буквы изъ красной позолоты.
Зажигала красныя лампадки,
Молилась Богородицѣ Кроткой.

Протекали надъ книгой Глубиной
Синія ночи царицы.
А къ Царевнѣ съ вышки голубиной
Прилетали бѣлыя птицы.

Разсыпала Царевна зерна,
И плескались бѣлыя перья.
Голуби ворковали покорно
Въ терему — подъ узорчатой дверью.

Царевна румянѣй царицы —
Царицы, ищущей смысла.
Въ книгѣ на каждой страницѣ
Золотыя, да красныя числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубинная книга.
А къ Царевнѣ изъ Лазурнаго ока
Прилетѣла воркующая птица.

Царевнѣ такъ томно и сладко —
Царевна-Невѣста, чѣмъ лампадка.
У царицы синія загадки —
Золотыя, да красныя заставки.

Поклонись, царица, Царевнѣ,
Царевнѣ золотокудрой:

Отъ твоей глубинности древней—
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
Въ твоей книгѣ раззолочены страницы.
А Невѣста одной невинностью
Твои числа замолишь, царица.

Положительных откликов на дебют Блока, как известно, не последовало. Это не значит, что их не было — стихотворения, несомненно, сделали свое дело в умах и чувствах подготовленной части читательского круга «Нового Пути», но никто из пленившихся не поспешил выразить свои художественные переживания в печатном слове, зато профессиональные хулители были тут как тут. 4 апреля, в письме к отцу, Блок отметил, что «кратко выругалась газета „Знамя“ и определил стиль этого отзыва как «Буренинский» (1927, 83, 319). Речь идет о следующем отклике, появившемся анонимно во второстепенной петербургской газете «Знамя»: «„Новый путь“ въ мартовской книжкѣ еще опредѣленнѣе намѣтиль обѣщанный новый путь русской мысли.

Чтобы согласиться съ этимъ, стоитъ только прочитатъ слѣдующія два стихотворенья выкопаннаго откуда то редакціей поэта Александра Блока (хорошо еще, что хоть не Генриха Блокка⁵).

Вотъ одна жемчужина» (следует полный текст стихотворения «Я к людям не выйду навстречу...»).

«А вотъ и другая жемчужина» (следует полный текст стихотворения «Царица смотрела заставки...»). «Читая этотъ возмутительный своею „глупинностью“ наборъ словъ, оскорбительный и для здраваго смысла, и для печатнаго слова, можно сказать одно развѣ:

Да, это дѣйствительно новый путь, но только все въ ту же старую больницу для умалишенныхъ»⁶.

Стиль буренинский, но все же это был еще не В. П. Буренин. Старый тигр русской журналистики еще за несколько лет до этого не раз переходил последние пределы неприличия в травле Мережковского и Гиппиус, «в его фельетонах постоянно фигурировал декадентский поэт Неспособный, который, вместо банального пера, получает с неба „писо“ — нечто вроде швабры для писания символической чепухи» (Перцов 1933, 228). На этот раз Буренин подготовил для суворинской газеты «Новое Время» общий разбор всех трех книжек «Нового Пути», где не преминул выразить деланное удивление, почему русского человека г. Розанова «занимають <...> „кисти изъ голубой шерсти“, которыя по закону Моисееву евреи должны дѣлать „на краяхъ одеждъ своихъ въ роды ихъ“. Почему объ этомъ и тому подобномъ

онъ сочиняетъ цѣлыя страницы глубокихъ размышленій и толкованій?» Затемъ презрительный Ферситъ внезапно обрушился на стихотворение «Царица смотрела заставки...». Онъ нарочито не назвалъ его автора, не упустивъ и этого способа унижить жертву своего сарказма: «Въ поэзіи журналъ г. Перцова кажется тоже склоняется къ легкому сумбуру въ такъ-называемомъ стилѣ „модернъ“. Вотъ напримѣръ характерный образчикъ подобнаго стихотворнаго сумбура, предлагаемый однимъ кажется начинающимъ поэтомъ» (следуетъ полный текстъ стихотворения «Царица смотрела заставки...»).

«Надо полагать, что сама „Царица, ищущая смысла“, несмотря на то, что она „просиживала синія ночи за книгой голубиной“, ничего не пойметъ въ этомъ стихотвореніи. Если г. Перцовъ полагаетъ, что эти вирши представляютъ „новый путь“ въ поэзіи, то его можно поздравить съ чрезвычайно глубокими критическими вкусомъ и разумѣніемъ. Когда я прочиталъ приведенные стихи моему другу графу Алексию Жасминову, то онъ съ свойственною ему склонностью мгновенно „заражаться“ всѣмъ новымъ и прекраснымъ заговорилъ экспромптомъ:

Г. Перцовъ смотрѣлъ заставки
Въ „Новомъ Пути“ — своемъ журналѣ,
А г. Минскій въ камилавкѣ
И г. Мережковскій въ рясъ щеголяли.

Разсыпали мистицизма зерна
И плескались въ сумбуръ ихъ перья,
А г. Розановъ упорно
Объяснялъ еврейскія повѣрья;

Считалъ кисти на еврейской одеждѣ,
Сотканныя изъ голубой шерсти...
И всѣ четверо укрѣплялись въ надеждѣ,
Что хотя они созданы изъ персти,

Но душа ихъ всечасно готова
Вознестись до небснаго рая...
Вдругъ, откуда-то критики слово
Раздалось, имъ судъ изрекая:

„Журавля словить въ небѣ вы хотите,
А изъ рукъ отпускаете синицу:
Перестаньте, друзья, не плодите
За страницей пустую страницу“...

— Ваша пародія неудачна, — замѣтилъ я графу, выслушавъ его экспромптъ.

— Почему же? — спросилъ графъ.

— Потому, что въ вашихъ стихахъ есть смыслъ, а въ стихахъ поэта „Новаго Пути“ поражаетъ именно совершенное отсутствіе смысла. Въ пародіи вы должны были обнаружить безсмысліе еще болѣе изумительное.

— Ну, простите, меня на это не хватитъ: я вѣдь все-таки поэтъ, привыкшій ходить „старымъ путемъ“» (Буренин 1903, 2).

Третий и последний печатный отклик на дебют Блока принадлежал перу Н. М. Гринякина — богослова, сотрудника канцелярии Синода — и появился в июне 1903 г. Осудив критическое отношение «Новаго Пути» к официальному православию и церковному аскетизму, рецензент ядовито заметил, что литургия в представлении приверженцев журнала, по-видимому, должна совершаться в храме, окрашенном в цвет обложки «Новаго Пути» и начинаться увертюрой из «Руслана и Людмилы», после чего должны следовать: «Декламированіе стихотвореній Блока и Гиппиусъ. Поученіе о „святомъ сладострастїи“. „Исполненіе въ храмѣ благословеннаго“ чадородія» (Гринякин 1903, 1389). Это необычное выступление представителя правительственного учреждения, сделанное, безусловно, с ведома самого К. Н. Победоносцева, содержит в себе нечто большее чем «игривость» (Максимов 1930, 250). Подоплеку рецензии Гринякина никогда не удастся выяснить во всех деталях, поскольку вся документация духовной — наиболее свирепой — цензуры за эти годы бесследно исчезла, но в общих чертах ситуация, в которой оказался Блок, все же поддается обрисовке.

* *
 *

8.Х 1901 Д. С. Мережковский и группа его единомышленников-богоискателей возбудили ходатайство перед обер-прокурором Синода Победоносцевым о разрешении открытъ в Петербурге публичные дискуссии по вопросу о христианстве и современности (см. Scheibert 1964, 524 и далее; Scherger 1973, 98—128). Кризис официальной религии был к этому времени очевиден, предтеча богоискателей Вл. Соловьев еще в 1881 г. имел все основания писать, что «лучшіе люди образованнаго общества» отдалены «отъ истины христіанской тѣмъ образомъ мертвенности и распаденія, который эта истина приняла въ нынѣшней учащей церкви» (Соловьев 1912, 242). Недовольство казенной церковью шло сверху донизу; в народе религиозное сектантство получило такой размах, что II съезд РСДРП принял летом 1903 г. резолюцію «О работѣ среди сектантов» — с тем, чтобы и это движение использовать для ниспроверженія существующаго строя (КПСС,

72). Даже З. Гиппиус вынуждена была признать, что к концу XIX в. «вся литературная, вся интеллигентная, болѣе или менѣе революціонно-настроенная, часть общества крѣпко держалась, въ своемъ сознаниі, устоевъ матеріализма. Одному Влад. Соловьеву позволялось говорить о Богѣ, при чемъ его никто не слушалъ» (1908, V). В этих условиях надежда на «религиозный Ренессанс» была очень заманчива для самодержавия, но поскольку богоискатели не скрывали ни своего враждебного отношения к грозно разраставшемуся рабочему движению, ни оппозиционности к царскому режиму (ИФ, 51—57), Синод оказался перед очень трудным выбором. Зная по опыту, что принцип «держатъ и не пущатъ» далеко не всегда приводит к желаемому результату, дряхлеющий Победоносцев после некоторых размышлений решился допустить дискуссию, но обеспечил себе контроль за ее ходом, назначив на пост председателя так называемых религиозно-философских собраний ректора Петербургской духовной академии епископа Сергия. Этот сравнительно молодой человек доказал свои качества недюжинного дипломата — с конца 1925 г. он фактически возглавил русскую церковь в незаметном звании заместителя патриаршего местоблюстителя, а в 1943 г. был избран патриархом всея Руси⁷.

Открытие религиозно-философских собраний состоялось 29.XI 1901 в зале Географического общества. В первых же заседаниях выяснилось, что диалога не будет — представители духовенства читали заранее подготовленные монологи в духе казенного православия. Председательствующий позаботился и о том, чтобы свободного доступа на собрания не было, вход был по пригласительным билетам. Общественный интерес к собраниям был неравным, иногда они проходили заурядно, с небольшим числом участников, но бывало и обратное — об одном из таких заседаний Гиппиус с гордостью писала Перцову 8.III 1902: «Собрание было наинемнолюднѣйшее <...> Графьевъ, князьевъ — буча! <sic!> Деканъ университета, профессора литераторы, студенты, и — двѣ игуменьи!!! Оцѣните»⁸. О том, как проходили заседания, свидетельствует В. В. Розанов, которого, по словам Мережковского, «все либералы» почитали за «архиреакціонера» (Записки, 264): «<...> здѣсь выступали великія преимущества свѣтскихъ: вѣчно свободные и подвижные, они вносили въ собранія *лицо* свое, *имя* свое, *біографію* свою, *сердце* свое. Все — категоріи, вовсе неизвѣстныя въ духовенствѣ: послѣднее — *стояло сословіемъ*. Говорило каждое *лицо* отъ имени той семинаріи, гдѣ оно выучилось. Говорилось „отъ Златоуста“, „отъ Василя Великаго“: и ничего — *отъ себя!* ниче-

гохонько!! Свѣтскіе прямо ненавидѣли это „общее“, эту „схему“, этот трафаретъ и благочестія и мысли. „Не отрицаемъ Василя Великаго: но скажите что-нибудь отъ себя!“» (Розанов 1914, 81).

В 1902 г. в Петербурге вышел сборник «Проблемы идеализма» при участии Булгакова, Струве, Бердяева, Франка, Е. и С. Трубецких и др. Шли разговоры об издании «Религиозно-философской библиотеки»⁹, из чего, впрочем, ничего не получилось. В качестве первого шага богостроители решили учредить журнал, который дал бы возможность публиковать протоколы собраний и тем самым вынести дискуссию на более широкое обсуждение. На роль редактора подыскивали Перцова, проживавшего в Казани, и уговорили его взять на себя юридическую ответственность за журнал, с неофициальным разделением редакторских функций между ним, Мережковским и Гиппиус. 21.I 1902 Перцов подал прошение в Главное управление по делам печати¹⁰, на основании прецедентов разрешение ожидали через две-три недели¹¹. Лишь 29 апреля проситель был уведомлен канцелярией Главного управления, что ходатайство его «признано Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію»¹². Гиппиус сообщила Перцову в Казань еще 23 марта: «<...> вы издавали и всячески распространяли книжки Льва Толстого!!! Отъ этого и произошло „сумнѣніе“. Хороша у насъ полиція! Я такъ и застонала»¹³. 6 апреля она пишет Перцову: «Меня возмущаетъ непониманіе, что нашъ журналъ — *имѣе выгоденъ*, они совоинственниковъ запирають вмѣстѣ съ мятежниками. Какое самоослабленіе и неразуміе!»¹⁴.

В ход были пущены светские связи супругов Мережковских, и министерству пришлось пересматривать свое решение. Гиппиус утверждала где следует, что приписывание Перцову распространения запрещенных сочинений Толстого — это «вздоръ», что на самом деле Перцов «по направленію — принадлежитъ къ новому славянофильству»¹⁵. Ведомством печати был сделан запрос в органы безопасности, и 7.VI 1902 оттуда поступила подписанная ротмистром Петербургского жандармского эскадрона Сергеем Саханским справка, заканчивающаяся словами: «По агентурнымъ свѣдѣніямъ, названный Перцевъ принадлежитъ къ категоріи писателей-декадентовъ и по своему міровоззрѣнію — анархистъ»¹⁶. Мировоззренческий диагноз жандармов не обещал ничего хорошего (ср. Avtich 1967), но Перцов, по-видимому, сумел его опровергнуть на личной аудиенции у министра внутренних дел Плеве, который «задал ряд хитрых вопросов, быстрых, как на следствии, дурно отозвался о „Мире Искусства“ и Розанове, хорошо о

Мережковском» (Брюсов 1927, 121). 3.VII 1902 Перцову было выдано разрешение на «Новый Путь», с вменением в обязанность журналу проходить двойную предварительную цензуру — сначала светскую, а по ее назначению и духовную.

18.XII 1902 новогодний (январский) номер был отпечатан¹⁷. В нем на 47-й странице (2-й пагинации) находятся слова, которые вполне годились бы в качестве эпиграфа на титульный лист: «по слову Апостола, и ересямъ подобаетъ быть» — цитата, ловко вырванная из контекста I послания Павла коринфянам (11, 19), где действительно сказано: «*подобаетъ бо ѿ ересемъ въ васъ быти, да искъснїи ѿвлени выбають въ васъ*». В синодальном русском тексте Библии — как известно, филологически очень хорошо — церковнославянское *ересемъ* заменено на *разномыслиям*, но «Новый Путь» больше устраивало церковнославянское выражение.

Перцов описал цензурные обстоятельства дебюта Блока: «Большие буквы стихов Блока подчеркнуто говорили о некоей Прекрасной Даме — о чем-то, о ком-то, — как понять о ком? <...> От таких стихов не только наш старомодный и угрюмо подозрительный черносотенец Савинков¹⁸ (светский цензор журнала, очень к нему придиравшийся) мог впасть в раздумье <...> отправляя стихи в цензуру, мы трепетали вероятного — минутами казалось: неизбежного — запрещения <...> И тут вдруг кому-то в редакции мелькнула гениальная мысль <...> почему-бы не послать стихи Блока в цензуру в наборе, где не будет ни одной большой буквы, а по возвращении из чистилища, когда разрешительная подпись будет уже на своем месте, почему-бы не восстановить все большие буквы <...>? <...> Эта уловка спасла дебют Блока: цензор вернул стихи без единой помарки и не заикнулся о духовной цензуре — хотя при встрече выразил мне недоумение: „странные стихи“» (Перцов 1922, 21—22).

Так Блок был введен в русскую литературу — аристократическим, как его называла Гишпиус, журналом, в сопровождении четырех репродукций на тему Благовещения, со вкусом подобранных Перцовым, весьма сведущим в живописи — он назначил «Благовещение» Леонардо из галереи Уффици, деталь — голову Марии с этой же картины, фреску Беато Анджелико из флорентийского монастыря св. Марка и алтарный образ Нестерова из Киевского Владимирского собора. Потом он вспоминал: «Блоку была приятна эта иллюстрация и он горячо благодарил меня за нее» (1922, 23)¹⁹. И все же главным событием этой книжки «Нового Пути» в глазах современников был не дебют

национального русского поэта, как это сейчас понимаем мы, а нечто совсем иное — то, на что сегодняшний читатель, листая старый журнал, может не обратить внимание. На странице 253 (1-й пагинации) напечатано лаконичное сообщение о том, что отец Иоанн Кронштадтский в проповеди сказал: «Умники неумные, вродѣ Толстого и его послѣдователей, хотятъ найти другой путь <...> и даже выдумали журналъ „Новый Путь“ <...> Это сатана открываетъ эти новые пути и люди безсмысленные буи, не понимающіе, что говорятъ, губятъ и себя и народъ, такъ какъ свои сатанинскія мысли распространяютъ среди него. Крѣпко, остро уши держите, знайте Единый Путь, черезъ который спаслись миллионы людей. Никакіе Толстые и ихъ послѣдователи никогда не найдутъ и не покажутъ намъ другого такого, какъ нашъ, вѣрнаго пути, а сами лишь постыдятся и какъ дымъ исчезнутъ. Аминь». На этом слове сообщение заканчивается, не сопровождаясь комментариями.

Тотчас Гиппиус почувствовала, как пронесся «гуль ужаса отъ того, что мы „опозорили“ о. Іоанна Кронштадтскаго»²⁰. 2 апреля в третьестепенной столичной газете «Заря» раздался инспирированный вопль «народного» возмущения — статья Лухмановой «Кто дал им право?». Перцов скрылся в Казань, предоставив Гиппиус выпутываться одной; надеяться на Мережковского было бесполезно — «русский Лютер», как его еще недавно называли (Tschizewskij 1961, 120 Anm. 48), теперь, по словам жены, «желаетъ уѣхать немедленно „куда глаза глядятъ“»²¹.

Ирония по адресу старца, митрофорного протоиерея Иоанна Кронштадтскаго, «живого святого», цели паломничеств из всей России, который занимал столь высокое положение в обществе и государстве, что мог ни разу не появиться на заседаниях Синода, членом которого состоял, и не боялся говорить, что ордена ему не нужны и он их носит, чтобы не обидеть царя, ему их пожаловавшего (Синод, 9, 12; Сурский 1938, 101), не могла пройти безнаказанно. 5 апреля, в начале XXIII заседания религиозно-философских собраний, архимандрит Антонин объявил от имени Синода, что собрания закрываются. Царь в это время находился в Москве, и митрополит Владимир стал ему внушать, что «Новый Путь» — антицерковный журнал, а «гдѣ падаютъ алтари, тамъ падаютъ и престолы». Николай II возмутился и потребовал, чтобы ему доложили, «что это за журналъ Новый Путь». Министр внутренних дел Плеве завел «дѣло о журналѣ»²². Гиппиус в смятении писала Перцову 6 апреля: «Если <...> потеряемъ журналъ, —

врядъ ли стоить сидѣть въ Россіи и ждать погоды <...> послѣ Нов<а-го> П<ути> насъ ужъ нигдѣ не будутъ печатать <...> Опасность за-прещенья такъ велика, что для сохр<аненія> журнала нужно, — при вашемъ отсутствіи, почти чудо»²³.

Это «почти чудо» Гиппиус сотворила, журнал уцелел, и до применения высочайше утвержденного 22.ІІІ 1903 «Уголовного уложения», содержащего статьи о богохулении и оскорблении святыни, дело не дошло. Подробности неизвестны, о них можно только гадать по вырвавшимся у Гиппиус словам: «Боже, какой позоръ и гадость!»²⁴. Апрельская книжка содержала «Заявление» (с. 168—169), подписанное «Редакція и сотрудники журнала „Новый Путь“» и, следовательно, согласованное с печатавшимися здесь поэтами. В нем говорится, что обвинение в сатанизме, выдвинутое в фельетоне М. О. Меньшикова, цитировавшемся многими газетами и журналами (1903, 2), является «злонамерненнымъ и сознательнымъ искаженіемъ истины», и подписавшиеся, «питая къ личности о. Іоанна Кронштадтскаго глубокое уваженіе», вполне сознают, что вся вина падает на тех, кто ввел его в заблуждение, а «примѣчанія къ отзыву о. Іоанна Кронштадтскаго <sic!> не могли быть сдѣланы по независящимъ отъ журнала обстоятельствомъ».

В результате этихъ событий Перцов отказался вернуться в Петербург, и Мережковские, с соблюдениемъ приличій и удобныхъ сроков, заменили его Д. В. Философовым, много уступавшимъ своему предшественнику по внутренней культуре. Блок писал матери 30.VІІІ 1903: «Я вполне и окончательно чувствую, наконецъ, что „Новый Путь“ <...> дрянъ. Бугаевъ подтвердилъ это вполне» (Блок 1927, 92).

Объективно положительнымъ последствиемъ скандала было то, что стихотворения Блока прочитало значительно большее число людей, чем это было бы возможно в обычномъ случае. «Новый Путь», рассчитанный на узкій кругъ читателей, имелъ тиражъ порядка 3000 экземпляровъ (см. Список, 226), а объединенный тиражъ петербургскихъ газетъ «Новое Время» и «Знамя», полностью перепечатавшихъ стихотворение «Царица смотрела заставки...», составлялъ не менее 100 000 экземпляровъ. Конечно, нельзя думать, что механическое сопоставление цифръ выясняетъ действительную картину — газетный лист, в отличие отъ журнала, живет и действует, какъ правило, один-два дня, и читатель названныхъ газетъ в целомъ не былъ подготовленъ къ эстетическому восприятию такихъ поэтическихъ тонкостей, к тому же обрамленныхъ хорошо понятными издательствами фельетониста. Известно, что первая книга

Блока, «Стихи о Прекрасной Даме», куда стихотворение «Царица смотрела заставки...» вошло, изданная в 1904 г. в количестве 1200 экземпляров, так и не была распродана за шесть лет, и для переиздания в 1911 г. Блоку, уже увенчанному славой, пришлось по коммерческим правилам выкупить остаток тиража (Орлов 1964, 509). Даже в 1922 г. один из видных почитателей Блока мог утверждать в своих воспоминаниях, не опасаясь поправок редактора, что когда появился университетский студенческий сборник с двумя стихотворениями Блока (это было в 1903 г., после дебюта, а не в 1902 г., как говорит мемуарист), то это были вещи «поэта, никому в то время неизвестного», и «неведомое имя „Блок“ запомнилось и зазвучало волнующе» (Зоргенфрей 1922, 124) ²⁵.

* *
 *

Превратности журналистики интересовали Блока мало, но к деятельности богоискателей равнодушным он не был и религиозно-философские собрания посещал. В связи с этим возникает вопрос о философской ориентации Блока этих лет, о природе его мистицизма — очень сложного и неясного душевного качества, сейчас вызывающего повышенный интерес психологов.

В конце жизни Блок сказал о своем поколении: «<...> мы всю жизнь провели под знаком революции» (Павлович 1922, 155—156). Это верно не только в социально-политическом смысле, но и с точки зрения философии. Рубеж нового века был ознаменован ломкой классических представлений о мироздании и возникновением исключительно трудной для понимания релятивистской физики, объяснившей природу радиоактивности, открытие которой в 1896 г. поколебало фундаментальный закон сохранения вещества, точнее его старую трактовку. В известном смысле масштаб потрясения умов сопоставим с тем, что произошло внутри более близкой Блоку области интеллектуальной деятельности при конфликте между классической традицией искусства и принципиально новыми веяниями, в том числе символизмом. На переломе между XIX и XX столетиями не оставалось практически ничего невовлеченного в процесс переоценки ценностей, многое теряло почву под ногами. В этой связи нельзя не привести слова Д. И. Менделеева, единственного естествоиспытателя, которого Блок знал лично как старинного друга его семьи. Он питал к нему огромное уважение, называя его гениальным — конечно, не с чужих слов. Менделеев писал: «<...> в физике, особенно после открытия радиоактивности, прямо переходят в метафизику <...> Старые боги отвергнуты, ищут новых <...>

Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше <...> в целой интеллигенции, привыкшей держаться „последнего слова науки“, но ничего не могущей понять из того, что делается теперь в науках» (Менделеев 1954, 455—456). Для себя Менделеев пришел «к принятию исходной троицы не сливаемых, друг с другом сочетающихся, вечных <...> и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза) <...> Развивать <...> эту тему вовсе не думаю, даже предпочитаю остаться неясным» (Менделеев 1954, 460).

Вопрос о мистицизме, обычно понимаемом как признание сверхъестественного (ФЭ, 3: 456), потерял былую ясность очертаний — целый ряд авторитетных ученых в области естествознания пришли к выводу, что граница между естественным и сверхъестественным для них не всегда уловима. Когда сведения о неевклидовой геометрии вышли за пределы узкого круга математиков высшей научной квалификации, единственно способных интерпретировать ее со знанием дела, произошло столкновение эмоций — одни сочли ее противоречащей здравому смыслу, другие стали объяснять эффекты спиритизма воздействием духов из четвертого измерения. Брожение шло и среди серьезных математиков. Президентом Московского математического общества стал идеалист профессор Н. В. Бугаев. А его сын, «интереснейший человек в России», одновременно бредил идеей организации несостоявшегося теософского общества²⁶ и раздражался мэфистофельским смехом по адресу мистиков²⁷.

Несколько ранее выводы астрофизика, профессора Лейпцигского университета Иоганна Цёлльнера о возможности с помощью геометрии Лобачевского вывернуть наизнанку полый шар, не нарушив его целостности, или завязывать узлы на бесконечной нити, вызвали интерес главы русской школы химиков академика А. М. Бутлерова (1889, 74 и далее): выступление столь видного теоретика о необходимости научных исследований в области спиритизма, сделанное им в 1883 г. на съезде естествоиспытателей и врачей в Одессе, породило бурю, как первое в мире выступление ученого перед учеными (Отчет, 209). Новейший автор справедливо отмечает, что комиссия Д. И. Менделеева, работавшая над проверкой гипотез, защищаемых Бутлеровым, пришла в 1876 г. к выводу об их несостоятельности (ФЭ, 5: 115), но к этому надо только добавить слова Менделеева, не включенные в академическое издание его сочинений. В 1900 г. Д. И. Менделеев и И. И. Мечников согласились стать членами международного института психических исследований, созданного для изучения спиритизма, по этому по-

воду Менделеев заявил представителю печати: «Я твердо уверен, что въ спиритическихъ явленіяхъ можно до чего-нибудь доискаться <...> Только для этой цѣли я шелъ въ спиритизмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ <...> Но дѣло въ томъ, что всѣ спиритическіе опыты ведутся не такъ, какъ слѣдуетъ. Причемъ тутъ темнота? Явленія серьезныя, положительныя должны быть видимы нетолько въ темнотѣ, но и при ясномъ солнышкѣ»²⁸.

Для Блока как художника наибольший интерес представляли гуманитарные аспекты философии — человековедение. Здесь обстановка была тоже достаточно сложной, общая неудовлетворенность традиционной психологией направила внимание науки и литературы на вопросы психологической символики, интуиции, в иррациональные «глубины души» — порожденные этим идеи фрейдизма не оставались в стенах нервных клиник, где они возникли, а претендовали на универсальность (Бассин 1968, 55). Тяжелая наследственность Блока, тщательно ограждавшегося заботливой семьей от дурных поветрий декадентства, вырвалась в мучительное признание, не обещающее ничего хорошего в устах мальчика, гимназиста:

Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.

(1: 3; январь 1898)

Природные наклонности, круг чтения, среда подготовили Блока к восприятию идей Вл. Соловьева. Это восприятие шло под знаком единственной и безмолвной встречи в феврале 1900 г. (в июне Соловьев умер): «<...> целое мгновение я употребил на поднимание глаз, пока не стукнулся глазами о его глаза. Вероятно, на лице моем выразилась душа, потому что Соловьев тоже взглянул долгим сине-серым взором. Никогда не забуду» (8: 128; из письма Г. И. Чулкову от 23.VI 1905). На книге стихотворений Соловьева Блок написал полтора года спустя:

Мне — мировая разгадка
Этот безбрежный поэт.

(1: 479; 18.IX 1901)

Здесь не место давать сколько-нибудь развернутую характеристику философии Соловьева. Структура нашей статьи допускает обращение к Соловьеву лишь постольку, поскольку это необходимо для вскрытия

философских мотивов блоковского стихотворения о Голубиной книге, для понимания образа мыслей и чувств поэта в период его работы над этой вещью, о которой можно сказать приводившимися уже словами Перцова: «удивительно красиво и удивительно непонятно». Стихотворение было закончено 14.XII 1902. Немаловажный вопрос о том, сколько времени продолжалась работа Блока над этим стихотворением, никем даже не ставился, как нет и филологических исследований его идейного замысла и системы образных средств. Между тем, Белый был совершенно прав, когда уже после смерти Блока писал: «Въ стихотвореніи <...> „Царица смотрѣла заставки“ <sic!>, великолѣпномъ по образамъ, вы ничего не поймете: зачѣмъ здѣсь Царица, какая такая; и почему здѣсь подчеркнутое противоположеніе Царевны Царицѣ» (Белый 1922б, 233). В самом деле, с содержанием духовного стиха о Голубиной книге стихотворение не имеет ничего общего, кроме образа падения Голубиной книги с неба, да и то в фольклоре она выпадает из черной тучи, а у Блока — из Лазурного ока, раскрывшегося в облаках. Невнимательным отношением к источнику это объяснить невозможно — поэт опирался даже на научную литературу о духовном стихе, вводя в свое произведение антитезу *голубиная* — *глубинная*, соответствующую принятому лингвистическому толкованию названия духовного стиха и небесной книги (Фасмер 1964, 432).

Письма Блока к Л. Д. Менделеевой позволяют установить следующее. Стихотворение было переписано набело в ночь с 15 на 16 декабря и вложено в конверт с надписью: «Здѣсь. Вас<ильевскій> Остр<овъ>, 10 линия, 33. Высшіе Женскіе Курсы. Слушательницѣ II курса Филологич<ескаго> отд<ѣленія> Любви Дмитріевнѣ Менделѣевой», с письмом, где по поводу стихотворения сказано: «Я самъ не хочу теорій, онѣ только помогаютъ, онѣ сбоку, онѣ — цвѣтное стекло въ сверкающемъ <sic!>, переливчатомъ окнѣ. Въ Твоемъ окнѣ, моя Любовь, моя жизнь! И къ Тебѣ на это окно слетаютъ бѣлые голуби <...> Вотъ стихи, они — хорошіе, но что-же стихи, когда Ты — здѣсь, Ты — со мной. Угадай, кто царица. Я ужъ и на нее не всегда (!) сержусь. Не могу ужъ сердиться, очень далеко, въ тридесятomъ царствѣ! Постарайся и Ты не сердиться, будетъ легче, будетъ звонче»²⁹.

За несколько часов до этого, вечером 15 декабря, поэт пишет Л. Д. Менделеевой: «<...> такъ неизмѣримо высоко и звонко поются пѣсни о Тебѣ — слова и фразы, или однѣ только мелодіи безъ звуковъ, иногда съ случайными протекающими въ головѣ словами — такъ же произвольно и безвольно, какъ шумъ деревьевъ, когда ихъ кача-

еть вѣтеръ. Поеть, поеть — и все забывается, все свѣтло и ярко, торжественно и тайно»³⁰.

Передвигаясь еще на несколько часов назад, в ночном письме с 14 на 15 декабря находим первое сообщение о творческой удаче: «Я наконецъ написалъ настоящіе хорошіе стихи <...> весь сложный механизмъ движется отъ Одного Двигателя — Тебя и Тобой. Тутъ вся моя цѣль и вся загадка и разгадка, „узелъ бытія“, корни и цвѣты»³¹.

В письме к Л. Д. Менделеевой от 19 декабря находим сведения об отправке стихотворения издательнице «Нового Пути» и единственное во всем рукописном наследии Блока авторское название этой вещи: «Послалъ также Мережковской свою Голубиную Книгу»³².

Еще раз приведем слова из письма к Л. Д. Менделеевой, написанного в ночь с 14 на 15 декабря: «Я наконецъ написалъ настоящіе хорошіе стихи». Это сказано в период высшей творческой продуктивности, когда великолепные, художественно отточенные стихотворения выходили из-под пера Блока с интервалом в несколько дней, а иногда случалось, что на один и тот же день приходилось несколько стихотворений! Из этого можно видеть, какое значение придавал поэт стихотворению о Голубиной книге, потребовавшему от него столько нервных сил, что после этого наступает девятидневная творческая пауза, по времени совпавшая с болезнью (см. 7: 425). 26 декабря он пишет Л. Д. Менделеевой: «<...> есть от чего отдохнуть: перешли же весь сумрак, близимся к утру. Чего только не было — и романтизм, и скептицизм, и декаденты, и „две бездны“. Я ведь не декадент, это напрасно думают» (Орлов 1971, 663)³³.

Теперь нам предстоит решить вопрос, поставленный поэтом пред своей Царевной — кто царица, «какая такая». Ключи загадки будем искать в творчестве Блока, конкретнее — в ближайших по времени предшествующих произведениях, а также в биографии его чувства к Л. Д. Менделеевой.

На объяснение в любви 7.XI 1902 Блок шел с запиской о самоубийстве в кармане, твердо сознавая, что возможный крах лишит смысла все остальное:

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.

(1: 238; 5.XI 1902)

Согласие Любы Менделеевой делает обыкновенного смертного «счастливейшим из людей». В вечер объяснения рождается записанное ранним утром следующего дня стихотворение, заглавием (или эпиграфом)

к которому стал диаконский возглас, открывающий просительную ектению в последовании вечерни и утрени — «Исполним молитву нашу Господеви»:

Осанна! Тыходишь в терем!
 Ты — Голос, Ты — Слава Царицы!
 Поём, вопием и верим,
 Но нас гнетут багряницы!
 Мы слепы от слез кровавых,
 Оглушенные криками тлений.

 Но Ты в небывалых славах
 Принесла нам вздохи курений!

(1: 523)

Литургическая грандиозность, синие струи курящегося ладана, сверканье ореолов, пение, крики «Осанна!» — триумфальные возгласы, которыми библейский победитель просит у Бога его постоянного заступничества (см. Werner 1946) — но почему *Мы слепы от слез кровавых*? Ответ находим у Вл. Соловьева. Указывая, что при венчании в русской церкви в священной песне брачные венцы приравниваются к венцам мучеников, философ пишет: «<...> огромная задача, разрешаемая только постоянным *подвигом*, который в борьбе с враждебной действительностью может победить лишь пройдя через *мученичество*. С этой точки зрения полнота жизненного удовлетворения, обнимающего и телесную чувственность, связана не с похотью <...> в совершенном браке, в котором до конца осуществляется внутренняя полнота человеческого существа через всецелое его соединение с одухотворенною материальною сущностью, внешнее дѣторождение дѣляется и ненужнымъ, и невозможнымъ» (Соловьев 1913, 455).

В душе Блока прошел разряд огромной силы, наступил катарсис, подготовивший его к браку «совершенному» в соловьевском смысле этого слова. И вдруг в этот же день после объяснения в любви потрясенному поэту явилось видение, имеющее только одну возможность объяснения, как подобие психического феномена, приведшего Вл. Соловьева в египетскую пустыню и состояние мистического экстаза³⁴:

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
 Голова поднялась, высока.
 Задрожали слова оскорбленных богинь
 И готовы слететь с языка...

Предомилась излучиной гневная бровь,
 Зарываются когти в песке...

(«Сфинкс»; 1: 362; 8.XI 1902)³⁵

Из опубликованных бумаг Блока видно, что особые психические состояния, аналогичные визионерству Вл. Соловьева, у него действительно бывали (см. 7: 13, 343; Блок 1965, 43). Египетская тема, словно скрытая присяга Соловьеву, проходит еще через одно стихотворение этих дней, показывающее характер отношений между женихом и невестой и озаглавленное «Жрец»:

Там — в синевах — была звезда.
Я шел на башню — ждать светила.
И в синий мрак, в огнях стыда,
На башню девушка входила.
Внизу белели города
И дол вздыхающего Нила.

И ночь текла — влажней мечты,
Вся убежденная от счастья.
Мы жгли во славу чистоты,
Во славу непорочной страсти
Костры надзвездной красоты
И целомудренные страсти.

И я, недвижно бледнолиц,
Когда заря едва бледнела,
Сносил в покровах багряниц
Ее нетронутое тело.
И древний Нил, слуга цариц,
Свершал таинственное дело.

(1: 362—363; 17.XI 1902)

Согласие Блока и Менделеевой сохранялось в тайне от родителей; чтобы обезопасить встречи от огласки и пересудов, 8 декабря наняты меблированные комнаты на Серпуховской. «Дни и вечера там» (7: 425). Там происходит то, что описано в стихотворении, датированном 13 декабря — кануном «Голубиной книги»:

Любопытство напрасно глазело
Из щелей развратных притонов.
Окно наверху потемнело —
Не слышно ни вздохов, ни стонов.

Недовольные, сытые люди,
Завидуйте верхнему счастью!

(1: 526)

Среди стихотворений Соловьева (1921, 63) есть вещь, написанная в Каире в 1876 г.:

У царицы моей есть высокій дворецъ,
 О семи онъ столбахъ золотыхъ,
 У царицы моей семигранный вѣнецъ,
 Въ немъ безъ счету камней дорогихъ.

И въ зеленомъ саду у царицы моей
 Розъ и лилій краса расцвѣла,
 И въ прозрачной волнѣ серебристый ручей
 Ловить отблескъ кудрей и чела.

Но не слышитъ царица, что шепчетъ ручей,
 На цвѣты и не взглянетъ она:
 Ей туманитъ печаль свѣтъ лазурныхъ очей,
 И мечта ея скорби полна.

Как указал в предисловии С. М. Соловьев, это — одно из наиболее значительных лирических произведений Соловьева, дающее ключ к пониманию его теософии (Соловьев 1921, 10).

Что неназванная царица не имеет никакого отношения к Афродите, следует, в частности, из слов Соловьева, написавшего в 1900 г.: «Этой мои стихи не служат ни единымъ словомъ, и вотъ единственное неотъемлемое достоинство, которое я могу и долженъ за ними признать» (Соловьев 1921, XIII). Иные критики выразительно указывали на некоторые соловьевские переводы из любовной лирики Хафиза, но эротика Хафиза тем и замечательна, что имела в суфитской традиции мистическое толкование, и для Соловьева, девственника и вегетарианца, с гривастой головой библейского пророка на немощном теле, человека безусловной личной честности и бесконечной доброты, любовь была основной философской идеей мироздания. Имя соловьевской царицы расшифровывается в первой же строфе числом золотых столбов — семь. Это недвусмысленно связано с библейским стихом: «премудрость созда себѣ храмъ, и оутверди стѣлпъ седмъ» (Притч 9, 1), который используется как паремия Великой вечерни рождества Богородицы, празднуемого 8 (21) сентября. София Премудрость Божия — главная фигура в гностической мистике Соловьева. Близкий Блоку поэт-символист Г. Чулков писал: «Я имел случай <...> изучить некоторые загадочные автографы Владимира Соловьева, до сих пор неопубликованные. Эти автографы — особого рода записи поэта-философа, сделанные им автоматически в состоянии транса. Это состояние (как бы медиумическое) было свойственно Соловьеву по временам. Темой Соловьевских записей является все она же, „София“, подлинная или мнимая — это другой вопрос. Во всяком случае характер записей таков, что не приходится сомневаться в „демоничности“ переживаний,

сопутствовавших духовном опыту поклонника Девы Радужных Ворот» (1930, 123). Вот пример такой записи: «Sophie Я думаю что ты долженъ непременно ѣхать въ Индію Я думаю что ты начнешь тамъ свое дѣло Я Мудрость мои <sic!> милый Я явно можетъ быть Милый мой Я Люблю тебя безконечно и для тебя могу отдать все что мнѣ дорого. Я можетъ быть поѣду съ тобою Милый мой Люби меня такъ какъ я тебя люблю Sophie»³⁶.

Не приходится удивляться, что невесту Блока иной раз пугали мистические визиты ее будущего мужа к такой царице³⁷, и она сердилась, выражая свою тревогу репликами: «Пожалуйста, без мистики!» (Орлов 1971, 657). Как пишет В. Н. Орлов, знавший Любовь Дмитриевну лично, «ожидания ее были просты и понятны. Ею владели нормальные чувства и здоровые инстинкты» (Орлов 1971, 678).

* *
* *

Отождествлением Царевны с реальным человеком и царицы с Софией Премудростью Божией существо проблемы не исчерпывается: символы стихотворения не могут быть однозначными, иначе они перестанут быть символами. К моменту выхода мартовской книжки «Нового Пути» роман Блока уже не был тайной, но тем не менее ближайšie друзья поэта искали здесь иной смысл.

В 1921 г. А. Слонимский, коснувшись стихотворения «Царица смотрела заставки...», провел аналогию: царица — это «соловьевская мудрая „змея“», Царевна — «соловьевская „голубка“» (1921, 283). Эту же мысль о «змеином знании», «гнозисе царицы» и «голубиной невинности царевны» четыре года спустя повторил С. Соловьев (1925, 15). Такая трактовка говорит об офитском гнозисе в соловьевской интерпретации и ведет к сопоставлению соловьевской «Песни офитов» с блоковской строфой из стихотворения «Там, в полусумраке собора...» (14.I 1902):

Вѣщее слово скажите!
Жемчугъ свой въ чашу бросайте скорѣ!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древяго змѣя.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубкѣ привольно
Въ пламенныхъ кольцахъ могучаго змѣя.

(Соловьев 1921, 65)³⁸

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чувствуется познание
И дрожь голубки и змеи.

(1: 159)

По всей вероятности, Слонимский и Соловьев выдвинули такую интерпретацию стихотворения Блока под влиянием опубликованного в 1915 г. стихотворением Вяч. Иванова «Превращение»:

Золотые письма
Книги Голубиной:
Волн эфирных глубина,
Дно — узор змеиный.
Змия тайнопись видна
Зоркости орлиной.

(Ivanov 1962, 181)

Примем, однако, во внимание, что незадолго до «Голубиной книги» Блок писал отцу: «<...> я часто ощущаю <...> беспредельность своего личного „змеино“ познания» (8: 48). Блок считал свое «я» как бы двусторонним: «Я, как мужской коррелят „моего“ женственного» (7: 48). В некоторых его лирических произведениях авторская речь ведется от лица женского коррелята, женственного alter ego:

Ты — во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я — царица звездных ратей,
Не тебе — мои лучи.

(1: 245; 3.XII 1902)

Заметим также, что счастье в любви Блок сравнивал с царским помазанием:

<...> Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

(1: 240; 14.XI 1902)

С учетом всех этих фактов становится возможным понять грамматически двусмысленное выражение Белого: «<...> отображением милой Софии в земной оболочке для Блока считали мы встречу с Л<юбовью> Д<митриевной>, или с Ц а р е в н о й Ц а р и ц ы»³⁹ — как некоторую вероятность того, что царицей «Голубиной книги» является сам поэт.

Белый умел формулировать тончайшие переливы символистского мышления: «Поразительно: какъ повторяется въ лирикѣ Блока лири-

ческая философия Валентина: до мелких штриховъ! <...> Царица — Премудрость, Царевна-же — Ахамоть <...> Все — такъ: и цвѣта (золотой, синій) — традиционные цвѣта Мудрости <...> Томленье сопутствуетъ Ахамоть; но къ ней слетитъ Параклѣтова бѣлая птица⁴⁰: слетаетъ:

А къ Царевнѣ съ вышки голубиной
 Прилетѣли бѣлыя птицы.
 <...>
 ...Изъ лазурнаго ока
 Прилетѣла воркующая птица.

Но «око», которому вся протянулась Царевна — изъ нашего «окна» понявшаго синее око стезею гностической; да, загаданъ «духовный романъ» межъ Царевной и гностикомъ: и Царевна — Невѣста; она —

Твои числа замолишь, царица.

Опять — почему? Лишь тогда, когда Ахамоть въ нашемъ сознаниі перенесется въ плэрому, окончится міръ, міровая исторія, или послѣдствія неравновѣсія нѣкогда падшей царицы.

Смотрите во что превращаются образы Блока, когда подойдете вы къ нимъ съ ключемъ гнозиса» (Белый 1922, 233—234).

Суждения Белого, интересные и глубокие, все же не могутъ быть приняты за истину в последней инстанции. Прежде всего, не выдерживает критики мысль, будто в лирике Блока лирическая философия Валентина повторяется «до мелких штриховъ». Ведь столь уверенное утверждение можетъ создать впечатление, что философия Валентина нам известна до мелких штрихов — между тем единственным источником наших знаній об учении Валентина являются противоречивые упоминания о нем в произведениях ересиологов поздней античности, и есть все основания думать, что глубокие противоречия имелись и между самими валентинианцами⁴¹. Была ли философия Валентина лирической — ведомо одному Белому и, может быть, его загадочному учителю Рудольфу Штейнеру, внушавшему своим последователям антропософскую идею о том, будто некая тайная подоснова культуры находится в монопольном владении у наследующих ее немногих мудрецов и передается между ними на протяжении тысячелетій.

Кроме того, Белый, виртуозно владевший цветовой палитрой поэзии, все же ошибся, называя синее и золотое традиционными цветами мудрости — традиция не знает этой якобы прочной смысловой связи (см. Hermann, Cagiano di Azevedo 1957, Sp. 432—434). Столь же

неубедительно указание на связь между мудростью и красным цветом у А. Слонимского (1921, 283), ничего не объясняющее. Расшифровка колористического кода стихотворения Блока находится в работах русского софиолога, с поэзией Блока внешне не связанных и опубликованных в 1922 г., когда их автор состоял в штате ближайших сотрудников В. В. Куйбышева, среди которых о нем говорили: «Пришел к нам, отлично работает, прекрасно владеет теорией электричества, но рясу снимать не хочет» (Семенов 1967, 33). О золоте этот философ писал, что обычно оно выглядит тяжелым и бессодержательным, но «волнующимся пламенем лампы или свечи оживляется, ибо искрится мириадами всплесков то там, то здесь, давая предчувствие иных, неземных светов, наполняющих горнее пространство. Золото — условный атрибут мира горнего <...> есть живой символ, есть изобразительность в храме с теплящимися лампадами и множеством зажженных свечей» (Флоренский 1922а, 31).

Остальные цвета блоковского стихотворения, оказывается, все при-
сущи Софии и различаются между собой в зависимости от направленности созерцания: «<...> „белый“ не есть положительное определение, оно указывает только на безпримесность, на „ни тот, ни другой, ни третий цвет“, а только: сам он, чистый, безпримесный свет <...> Свет есть деятельность Божия, София же — первое огустиение этой деятельности <...> Созерцаемая как п р о и з в е д е н и е божественного творчества, как первый сгусток бытия, относительно самостоятельный от Бога, как выступающая вперед навстречу свету тьма ничтожества, то есть созерцаемая от Бога по направлению в ничто, София зрится голубую или фиолетовую⁴². Напротив, созерцаемая, как результат божественного творчества, как неотделимое от божественного света, как передовая волна божественной энергии, как идущая преодолевать тьму сила Божия, т.-е. созерцаемая от мира по направлению к Богу, София зрится розовую или красную. Розовую или красную она зрится, как образ Божий для твари, как явление Бога на земле, как та „розовая тень“, которой молился Вл. Соловьев» (Флоренский 1922б, 16)⁴³.

Разбор вопроса о действующих лицах не может считаться исчерпанным и на этом, так как автограф, посланный Л. Д. Менделеевой, содержит существенно отклонение от всех публикаций стихотворения, не отмеченное издателями и совпадающее с позднейшим автографом, хранящимся в Пушкинском Доме⁴⁴ и имеющим авторскую карандашную правку, соответствующую опубликованному тексту. Первоначальный текст седьмой строфы выглядел так:

Помолись, царица Царевнѣ,
Богородицѣ съ золотыми косами,
Отъ твоей глубинности древней—
Голубиной Кротости мудрой⁴⁵.

Возникает странное соотношение: с одной стороны, царица уже молилась Богородице Кроткой (очевидно, иконе, хотя в иконографии Богоматери такого понятия нет); с другой стороны, Царевна оказывается живой Богородицей. Соловьевская софиология и символистская поэтика это, пожалуй, еще могли бы допустить, но цензор Е. С. Савенков зачеркнул бы такое стихотворение в корректуре «Нового Пути» обязательно и не мог бы поступить иначе, ведь даже после либеральных реформ 1905 г. в практике Блока был случай, когда на сходном основании был наложен цензурный запрет на пьесу «Незнакомка». Цензор драматических сочинений О. И. Ламкерт 28.XI 1907 дал следующее заключение: «Пьеса эта представляет такой декадентский сумбур, что разобраться в ее содержании я не берусь. То обстоятельство, однако, что, судя по некоторым намекам, автор в лице „незнакомки“ изобразил богоматерь, следует признать достаточным поводом к запрещению этой пьесы» (4: 576).

Испорченная цензурными обстоятельствами строфа была особенно дорога Блоку: золотые косы были у Любы Менделеевой, в кабинете поэта с 1902 г. висела репродукция «Скорбящей мадонны» Дж. Сасоферрато, выбранная им за сходство с возлюбленной (7: 470), — никаких особенных достоинств за этим живописцем XVII в. искусствоведение не знает (Bénézit 1954, 491). Нужно сказать, что в иконографии Богоматери Блок разбирался, как раз в это время он накапливал материалы для зачетной университетской работы на эту тему (писать работу он, впрочем, не стал). С этими штудиями и связана поэтическая находка — «Богородица Кроткая». Мысль так назвать икону в стихотворении о Голубиной книге возникла под впечатлением миниатюры, которую Блок увидел в книге Ш. Роо де Флэри (Rohault de Fleury 1878, между 164 и 165) в октябре 1902 г.: «Поклонение волхвов X века (Ватикан). Великолепно — ангел с веющими крыльями грядет впереди устремляющихся царей. Одежды их бьются. Дева кроткая — у входа в пещеру» (Блок 1965, 44, 526—527 примеч. 12). Эта Дева Кроткая — на миниатюре Менология императора Василия II Болгаробойцы. Рукопись исполнена около 985 г. в скриптории константинопольского Влахернского дворца и ныне хранится в Ватиканской библиотеке (Codex graecus 1613, fol. 272)⁴⁶.

Остается охарактеризовать саму Голубиную книгу и ее особенности как блоковского символа. Блок не пошел по пути механического заимствования фольклорного образа — гигантская книга духовного стиха здесь была бы невозможна, былинной вместимости нельзя требовать от лирического стихотворения. Перед царицей — обычных размеров пергаменная книга (техника позолоты иного материала кроме пергамента не предполагает), и все, что в ней написано, выражено не словами, как это было в духовном стихе, а числами — древним средством выражения высшей мудрости, вовсе непонятным для непосвященных. Числа занимали в мистике Блока заметное место, в них — разгадка тайн бытия:

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, число, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь <...>

(1: 240; 14.XI 1902)

А вот урбанистическая зарисовка — кажется, автопортрет в доме на Серпуховской, где должны начаться тайные свидания с Менделеевой:

Выше всех кричащих и всклооченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

(1: 248; 5.XII 1902)

Белый, находясь во время Первой мировой войны в Швейцарии в качестве теософского послушника при Рудольфе Штейнере и размышляя над лирикой раннего Блока, пришел к любопытному выводу о природе стихотворения «Царица смотрела заставки...»: «<...> не Небесная Мудрость стоит перед нами: стоит перед нами София Александрии, (и даже: упадочной Византии), окруженная „храмами“, „красною позолотой“, лампадками, даже русскими „теремами“. Здесь сознание Блока абстрактно: оно складывает ему его византийский „style russe“, оживляемый не огнем небесной стихии <...> оживление византийского Лица у Блока не сверху, а снизу; оживление это в хлыстовстве, в сектантстве» (Белый 1922в, 122—123). Последние слова варьируются, применяясь ко всей ранней лирике в целом: «<...> в поэзии Блока <...> двойственность отзывается утонченным хлыстовством <...> Что прекрасная дама поэзии Блока

есть хлыстовская богородица, это понял позднее он»; «тончайшие начала его <хлыстовства. — М. М.> соблазнительно вскрыты у Блока» (Белый 1922в, 112, 116).

Эти идеи филологически никем не разрабатывались, да и сам Белый больше о них не вспоминал; всё же они интересны не только тем, что, оказывается, Блок в каких-то позднейших разговорах признал их основательность, но и их прямой связью с символом Голубиной книги. Если отвлечься от недоказуемых суждений о датировке духовного стиха (мнения, высказанные в научной литературе, колеблются в диапазоне от X до XVIII в.), то нельзя не обратить внимание на реальный факт — единственный конкретный след самого понятия Голубиной книги ведет к фольклорному преданию о муромском крестьянине середины XVII века Даниле Филиппове, который во время народных волнений, вызванных никонианской реформой, решил, что для спасения не нужны ни новые, ни старые книги, а единственно

Книга золотая,
Книга животная,
Книга Голубиная:
Самъ, сударь, Духъ святой.

Это хлыстовское предание было обнаружено в записи П. И. Мельниковым-Печерским среди документов по делу московских хлыстов 1845—1846 гг. (Мельников 1868, 31) и с тех пор является основным источником о возникновении хлыстовщины, хотя ничего определенного о Даниле Филиппове как историческом лице сегодня сказать нельзя и исследование вопроса обычными методами фольклористики, позволяющими в какой-то степени прояснить соотношение между вымыслом и действительностью, не проводилось (Клибанов 1965, 39—48).

Для наших целей не лишено интереса случайное или намеренное колористическое совпадение — золото есть в Голубиной книге у Блока и у хлыстов, но оно не упоминается в духовном стихе. В принципе ничего невозможного в том, чтобы Блок учел и хлыстовский аспект Голубиной книги, усматривать нельзя, — среди интеллигенции и даже в высшем обществе этих лет мода на хлыстовство является общеизвестным фактом, о хлыстах писал Мережковский, а Бальмонт тонко инструментовал экстаз хлыстовских радений:

Царь Духъ! Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!
Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Духъ!
Возьми, прими мой стонъ, мой вздохъ,
Войди какъ звонъ въ мой слухъ!

(Бальмонт 1909, 127)

* *
* *

Покончив с рассмотрением частных случаев, попытаемся охватить всю конструкцию символов как целое. Общее название подборки дебютных стихотворений в «Новом пути» — «Из посвящений». Кому посвящено стихотворение о Голубиной книге? Л. Д. Менделеевой? И да, и нет. Скорее всего, нет, потому что при всей усложненности отношений с Менделеевой ничто не мешало Блоку написать о посвящении хотя бы в письме, с которым он посылал ей стихотворение, но такого посвящения нет. С другой стороны, невозможно предположить, чтобы после всех тех слов, которые он так искренне высказал о ее роли в этом произведении, оно могло быть посвящено кому бы то ни было другому. Остается более абстрактная возможность посвящения чему-то.

Проанализировав все теоретически возможные ходы мысли поэта, мы это посвящение, кажется, нашли — оно зашифровано календарной датой завершения произведения, днем 14 декабря. Под этим днем нет примечательных событий ни в семейном календаре бекетовского дома, ни в календаре русской истории (о трагедии 14 декабря 1825 г. в нашем контексте говорить не приходится), ни в полном месяцеслове русской церкви, незадолго до этого опубликованном с очень хорошим историко-филологическим аппаратом (Сергий 1901). И все же этот день записан на скрижалях истории культуры как событие, надо полагать, особо значительное в глазах соловьевцев. 14 декабря 537 г. имело место великое освящение главного храма византийской империи — константинопольского собора св. Софии. Юстиниан прибыл в этот день в грандиозный собор, воздвигнутый в таком месте столицы, которое «можно было бы назвать центром мира в ранневизантийское время» (Брунов 1966, 42—43 и др.), с таким зодческим заданием, которое предписывало затмить все храмы прошлых и будущих времен, в том числе и храм Соломона, и с такой роскошью, которая потребовала напряжения всех сил империи, всей экономики, работавшей несколько лет на одну эту стройку. Император, потрясенный величием момента, не удержался и радостно воскликнул не предусмотренное литургией освящения: «Благословен Бог, избравший меня для совершения такого дела; я превзошел тебя, Соломон!»*.

* К сожалению, М. Ф. Мурьянов здесь не сослался на источник. Эти слова Юстиниана, часто цитируемые в литературе об Аяе Софии, восходят к сочинению анонимного византийского автора начала XII в. (ср., например: W. R. Lethaby, H. Swainson,

Что можно противопоставить нашей гипотезе? Во-первых, объективную вероятность того, что рассматриваемое событие творческой биографии Блока пришлось на эту дату чисто случайно, бессознательно (математически такая вероятность равна $\frac{1}{365}$ против $\frac{1}{365}$ в пользу гипотезы). Во-вторых, отсутствие ссылок на дату освящения константинопольской Софии в известных автору этих строк произведениях Соловьевцев. Можно добавить, что дата стихотворения вообще не обозначена ни в одной из трех прижизненных авторских публикаций (1903, 1904, 1911 гг.), впервые она поставлена в посмертном первом томе собрания сочинений, выпущенном петроградским издательством «Алконост» в 1922 г., где на 239-й странице отмечено, что том подготовлен в окончательной форме автором.

Оба возражения отпадут, если принять во внимание следующие обстоятельства. Гностическое знание по самой своей идее является тайным, неписанным. Под живым впечатлением кончины Вл. Соловьева Блок написал 22.VIII 1900 стихотворение «*Ἄγραφα Δόγματα*» и опубликовал его лишь в 1911 г. с примечанием: «„*Ἄγραφα Δόγματα*“ — „неписанные догматы“ — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона» (1: 56, 583). Мы видим, что мысли такого рода Блок не торопился афишировать, следуя

The Church of Sancta Sophia Constantinople: A Study of Byzantine Building, London — New York 1894, 141, 144—145). Однако Аноним дает другую дату освящения храма — 24 декабря, сильно варьирующуюся по разным спискам и редакциям: 26 сентября, 22 ноября, 22, 24 и 26 декабря (см.: С. Г. Вилинский, 'Византийско-Славянские сказания о создании Храма св. Софии Цареградской', *Летопись Историко-Филологического Общества при Императорском Новороссийском Университете, Византийско-Славянское отделение*, 1900, т. VIII, вып. V, 245, 251—252, 261, 280). В настоящее время освящение константинопольского храма принято датировать 27 декабря [см., в частности: А. М. Schneider, *Die Hagia Sophia zu Konstantinopel*, Berlin [1939], 13 (= Bilderhefte antiker Kunst herausgegeben vom Archäologischen Institut des Deutschen Reiches; Н. VI; предисловие к этой книге, приуроченной к 1400-летию юбилею храма, датировано 27.XII 1938); Е. Н. Swift, *Hagia Sophia*, New York 1940, 12—13, С. Mango, *Byzantine Architecture*, New York 1976, 107; W. Müller-Wiener, *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls*, Tübingen 1977, 86; и мн. др.]. Видимо, именно эту дату имел в виду М. Ф. Мурьянов: с поправкой на разницу между стилями она легко превращается в 14 декабря. Неясно, однако, как решали вопрос о хронологии последователи Соловьева; так, Г. В. Флоровский считал, что «храм был освящен впервые 26-го декабря (537 г.) и обновлен послѣ восстановления купола 24-го декабря (563 г.)», и полагал, что «Рождественские дни для этих празднеств были выбраны вряд ли случайно» (Г. В. Флоровский, 'О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси', *Труды V²⁰ Съезда Русских Академических Организаций за границей в Софии 14—21 сентября 1930 года*, София 1932, ч. I, 486). — Ред.

традиции религиозно-философского молчания (см. Casel 1926; 1941; Clasen 1956). Существует поразительный факт: соловьевцы, чествуя в 1910 г. память своего учителя в связи с 10-летней годовщиной его смерти, провели публичное заседание Литературного фонда не 31 июля, в дату кончины, а 14 декабря⁴⁷. И опять об этом ни слова ни в газетных объявлениях и отчетах, ни в тексте докладов, прочитанных на заседании. И вместе с тем скрытый от непосвященных намек есть: доклад Вяч. Иванова «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания» содержал такие выражения, как «новая тайна соборного общенія» или «безъ внутренняго опыта соборности мы не въ силахъ и понять, чему учили насъ Вл. Соловьевъ» (1911, 32)⁴⁸. На том же заседании, что и Вяч. Иванов, Блок выступил с докладом под названием «Рыцарь-монах» (5: 446—454, 759—760). На следующий год он записывает в дневнике: «14 декабря <...> Сегодня иду к Поликсене Сергеевне <сестре Вл. Соловьева. — М. М.> <...> Мама там» (7: 102). Загадочна отметка в записной книжке 1914 г. в канун 14 декабря, касающаяся друга Блока Е. П. Иванова: «Имянины Жени („Софию“ — ему). Он будет исповедаться» (Блок 1965, 250). Что бы могла значить «София» в таком контексте? В канун дня освящения 1917 г., словно вечерня тайного торжества, звучит написанное 13 декабря софианское по теме стихотворение Вяч. Иванова «Порог сознания»:

Пытливый ум, подобно маяку,
 Пустынное обводит оком море
 Ночной души, поющей в слитном хоре
 Бесплодную разлук своих тоску.

Недостижим горящему зрачку
 Глухой предел на зыблемом просторе,
 Откуда, сил в междоусобном споре,
 Валы бегут к рубежному песку.

А с высоты — туманный луч ласкает
 И отмели лоснимую постель,
 И мятежей стихийных колыбель.

Так свет иной, чем разум, проникает
 За окаем <sic> сознанья и в купель
 Безбрежную свой невод опускает.

(Ivanov 1962, 90, 202)

Ср. стихотворное послание Г. Чулкова «Вячеславу Иванову», датированное 14 декабря 1919 г.:

Ты с голубиной простотою
И мудрый, как мудрейший змей,
Идешь волшебною тропою
В страну таинственных теней.

(Чулков 1922, 40)

Наверное, примеры можно было бы умножить, особенно если бы мы располагали удобными для использования изданиями поэзии символистов, оснащенными хорошим справочным аппаратом, — тогда как сейчас, например, мы не можем привести ни одного стихотворения Белого, поскольку необходимая предварительная работа по датировке его произведений, никем еще не проведенная, далеко выходит за рамки нашей темы. Но и без этого достаточно вероятно, что 14 декабря каждого года в «закрытом ордене» соловьевцев, по-видимому, что-то происходило, и вполне возможно, что начало мистерии было положено в 1902 г. дебютным стихотворением Блока — ведь именно Блок считался друзьями прямым духовным наследником Соловьева и гордо сознавал эту культурную миссию своего поэтического таланта (см. Перцов 1922, 10—11, 13). Таков, по всей видимости, тайный, эзотерический смысл высшего символа стихотворения о Голубиной книге — даты его окончания (ср. Strelka 1970).

Осознав символическое значение 14 декабря — дня освящения собора св. Софии, мы будем читать другими глазами дневниковые записи поэта и его письма, которые прежде нам ничего не говорили, а сейчас многое скажут о том, как созревал замысел стихотворения. В начале 1902 г. Блок делает выписки из Тютчева и добавляет к ним свой комментарий: поэт «связал <...> небо и землю — легко и безболезненно. Ибо дана была ему власть — вязать и решать, как апостолу; и „на сем камени“ воздвиглась церковь — необъятный храм. Он белеет перед Соловьевым во всю его долгую жизнь — и в тумане утреннем, и в холодный белый день⁴⁹. А меньшая братия ждет на паперти, и только смутно и издали доносится к ней пение, долетают струи фимиама ([Сологуб.] Минский)» (7: 32—33). Затем о Фете: «Кто эта Ты? Это — источник жизни поэта, Белая Церковь» (7: 36).

23.VIII 1902 поэт находился проездом в Москве, возвращаясь из Шахматова в Петербург. Он посетил могилу Вл. Соловьева и грандиозный храм Христа Спасителя⁵⁰: «Неперестающий звон <...> Альтарь — как часовня. Шаги скрадены — тихо. Мало народу. Дух Руси, бога, Царевны, Невесты» (Блок 1965, 37 сл.). 14.IX 1902 Блок пишет Э. Гиппиус: «<...> в одну сторону (по крайней мере) вижу теперь

очень далеко и в эти серые, сонные дни петербургской осени, и вечером, и ночью <...> пора уже вдохнуть и несказанное, чего давно и безуспешно я пытаюсь достичь <...> Открылся уголок „мистического реализма“, открылась возможность строить здание не на песке; нашлись ощутимые средства и простые орудия. Если будет и дальше все в таком роде, моя литургия и моя симфония будет достойна тех надежд, которые я возлагаю на нее с давних пор» (8: 46). А 29.IX 1902 Блок пишет отцу: «Чувствую потребность и ожидаю скорого вдохновенного стихотворения или даже прозаического экскурса в область мистицизма» (8: 47 сл.).

Фундамент, на котором возводил свой мистический храм Блок, — это идея соборности, ее автор — А. С. Хомяков, «Илья Муромец православия и славянизма», как назвал его Герцен, «необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный» (1956: 156—157; см. также Schultze 1970). Для Хомякова соборность — это «совокупность мышлений, связанных любовью» (Хомяков 1911, 280). Так же ее понимал и Тютчев, в связи с известным изречением Бисмарка противопоставивший германское и русское отношение к проблеме национального единства:

«Единство» — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней—
 «Быть можетъ спаено желѣзомъ лишь и кровью»;
 Но мы попробуемъ спаять его любовью,—
 А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

(Перцов 1899, 195)

По Тютчеву, идейным центром славянства должен был стать константинопольский Софийский собор:

<...> То древній гласъ, то свыше гласъ:
 Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ,
 Свершится онъ, и грянетъ часъ!

И своды древніе Софіи
 Въ возобновленной Византіи
 Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!..
 Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
 И встань какъ Всеславянскій Царь!

(Перцов 1899, 208)

Споры о Константинополе велись и в той среде, к которой принадлежал Блок. В публичной речи в зале Петербургской городской думы

26. II 1900 Вл. Соловьев, незадолго до этого избранный академиком по разряду изящной словесности, говорил о судьбах человечества и конце всемирной истории, которому будет предшествовать строительство собора в Константинополе для православных⁵¹. П. П. Перцов с 1897 г. работал над своими «Основаниями космономии» (или «диалогии») в духе идей Хомякова, Данилевского, Леонтьева и Соловьева⁵², а в 1902 г. выпустил свой «Первый сборник», где в путевом очерке писал о константинопольской Софии: «<...> невозможно отделиться от мысли, что человечество придет еще когда-нибудь в эти стены и под этот купол — придет, просвѣтленное иным, несравненно болѣе высокимъ сознаниемъ и одушевленное вновь загорѣвшимся религиознымъ чувствомъ, чтобы снова поклониться — можетъ быть, на своемъ закатѣ, — Божественной Премудрости въ Ея единственномъ, неповторенномъ и неповторимомъ храмѣ». «Здѣсь, въ стѣнахъ этого храма, я вспомнилъ глубокую и горячую мысль моей страны, такъ долго стремившуюся къ этому храму. И здѣсь понялъ я, какъ преждевременна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и насколько знаменательна была эта мысль. Нѣтъ — *право* на такой храмъ надо еще заслужить» (Перцов 1902, 279).

И. Ф. Романов (Рцы) писал в связи с этим Перцову: «Очень мнѣ понравились Ваши „Путев<ья> Письма“ <...> Но я не хочу сказать, что я во всемъ согласенъ съ ними. Напротивъ <...> я бы даже охотно попытался вызвать Васъ на споръ. Ну, напр<имѣрь> Софія. Мнѣ сдается, что Вы преувеличиваете (безсознательно, конечно). Византійскій Парѣнонь — Литургія Св. Іоанна > Златоуста, а въ остальномъ художествѣ она невыносимо бездарна»⁵³. «Избави насъ Боже отъ всякихъ панславистовъ! Константинополь, это по гениальному выраженію великаго Никиты (Гиляровъ-Платонова) — барская постель, на которой мучительно хочется полежать ОСИПУ (Хлестакова).» «Да Вы же сами это чувствуете: „Правосл<авіе> по случаю „вывезенное изъ Корсуні““. C'est un mot! Это чудо. Но, дорогой, вѣдь мы же ХАМЫ! Вѣдь такъ исторія всемилостивѣйше повелѣла намъ быть! Такъ на что же Вы надѣтесь и откуда эти претензіи <...>?»⁵⁴ Поздравив Перцова с решением на издание «Нового Пути», по поводу намеченной в недалешем до нас письме Перцова программы журнала Романов ответил в том же духе: «Постель Византіи и Османа меня соблазняетъ очень мало и не потому что все это „про неправду написано“, а потому что я предпочелъ бы заночевать на *собственной*, ну, въ Дальнемъ что-ли, или Портъ-Артурѣ, если нельзя попросту вернуться въ Кіевъ...»⁵⁵

Блок строил молча, тайно. 14.XII 1902 огни его храма зажглись, дальнейшее зависело от издателей, и они приурочили дебют к марту — месяцу Благовещения. Вместе с тем март 1903 г. был месяцем великого поста — временем строгого и торжественного ожидания Пасхи, когда на русском Севере поют духовный стих о Голубиной книге. Вслед за Блоком «Новый Путь» ввел в литературу еще одного гениального юношу этого же поколения, которого мы уже имели случай цитировать, — Павла Флоренского, питомца Московского университета по кафедре Н. В. Бугаева. Философский очерк об идеях Георга Кантора, дного из тех мыслителей, которые произвели к началу XX в. революцию в математике, Флоренский завершает так: «Вѣроятно, всѣ знаютъ „пасхальную пѣснь“ евреевъ. Вы помните, конечно, рѣшительную настойчивость, грубо говоря, почти назойливость въ мольбахъ къ Богу. Эта неотступность въ просьбѣ, это богоборство, „не отпущу, доколѣ не благословишь“, въ высшей мѣрѣ характерно для творчества Георга Кантора, и я думаю не смогу лучше окончательно разъяснить смыслъ его дѣятельности, какъ приводя текстъ этой пѣсни. Вотъ онъ:

„Боже всемогущій, нынѣ близко и скоро храмъ Твой создай, скоро, въ дни наши, какъ можно ближе, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ близко храмъ Твой создай! Милосердный Боже, великій Боже, кроткій Боже, всевышній Боже, благий Боже, сладчайшій Боже, безмѣрный Боже, Боже израилевъ, въ близкое время храмъ Твой создай, скоро, скоро въ дни наши, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ скоро храмъ Твой создай! Могушественный Боже, живый Боже, крѣпкій Боже, славный Боже, милостивый Боже, царствующій Боже, богатый Боже, великолѣпный Боже, вѣрный Боже, нынѣ не медля храмъ Твой возставь, скоро, скоро, въ дни наши, не медля, скоро, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ создай, нынѣ скоро храмъ Твой создай!“» (Флоренский 1904, 234—235; ср. Meschkowski 1967).

При желании можно не без успеха доказывать, что Кантор как лютеранин никакого отношения к этой Пасхальной песни не имел. Но, признавая за Флоренским право свободных сопоставлений (в духе *Völkerpsychologie*), мы не можем не признать, что этот красивый образ воздвижения пасхального храма вполне созвучен скрытому софианскому замыслу Блока (ср. Масрае 1970), тем более что текст Пасхальной песни Флоренский взял у Владимира Соловьева (1901б, 397).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В этом же номере помещены две рецензии Блока, подписанные инициалами; одна из них — на новый перевод «Героинь» Овидия.
- ² М. С. Соловьев, брат философа и поэта Вл. Соловьева, и его жена О. М. Соловьева (кузина матери Блока), собирали вокруг себя многих символистов; с их сыном Сергеем Блок был особенно дружен.
- ³ При дальнейших ссылках на это издание указываются только номера томов и страниц.
- ⁴ Этим числом датировано выданное на имя Перцова свидетельство Главного управления по делам печати: Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (= РГИА), ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 8, д. 1542, л. 14.
- ⁵ Банкирский дом в Петербурге.
- ⁶ 'Русская печать', *Знамя*, 1903, 24 марта (6 апреля), № 79, 2.
- ⁷ Уместно вспомнить, что в великий пост 1903 г. не кто иной как епископ Сергей принял прибывшего из Сибири пророка и чудотворца Григория Распутина и благословил его введение в петербургский высший свет (Груфанов 1917, 3—4).
- ⁸ Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом), Рукописный отдел (= ИРЛИ), р. III, оп. 2, № 1229, л. 3 об.
- ⁹ См. письмо М. А. Новоселова П. П. Перцову от 8.I 1902 (Там же, № 1405, л. 1).
- ¹⁰ РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 1542, л. 1—1 об.
- ¹¹ См.: ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1227, л. 2 (письмо Э. Н. Гиппиус П. П. Перцову от 23.II 1902).
- ¹² РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 1542, л. 7.
- ¹³ ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1231, л. 1 об.
- ¹⁴ Там же, № 1232, л. 1 об.
- ¹⁵ Там же, № 1231, л. 1 об.—2.
- ¹⁶ РГИАП, ф. 776, оп. 8, д. 1542, л. 8 об.
- ¹⁷ См. Российский государственный архив литературы и искусства (= РГАЛИ), ф. 55 (А. А. Блок), оп. 1, ед. хр. 97, л. 72.
- ¹⁸ У Перцова опечатка. Имеется в виду статский советник Е. С. Савенков.
- ¹⁹ По поводу опубликованных иллюстраций М. В. Нестеров написал Перцову 8.VI 1903: «<...> несмотря на всю примитивность выполнения, болѣе соотвѣтствовало Евангельскому Тексту „Благовѣщенье“ Фра Беато Анжелико, и менѣе всѣхъ — мое. Такія темы, какъ> „Благовѣщенье“ требуютъ кромѣ внѣшнихъ художественныхъ достоинствъ главное величайшей искренности и теплоты чувства, котораго мнѣ, къ сожалѣнію, ни разу въ изображеніи названной темы достигнуть не удалось» (ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1386, л. 1).
- ²⁰ Там же, № 1253, л. 1 об.
- ²¹ Из письма П. П. Перцову от 12.IV 1903 (Там же, № 1253, л. 1).
- ²² Там же, № 1253, л. 2—2 об.
- ²³ Там же, № 1251, л. 1 об.
- ²⁴ Там же, № 1253, л. 1 об.

²⁵ Любопытно, что и сам Блок впал в ту же ошибку, называя в анкетах 1913 и 1915 гг. в качестве своего дебюта стихи в университетском сборнике (7: 434, 435; ср. 8: 217).

²⁶ См. письмо В. Я. Брюсова П. П. Перцову от 4.I 1903 (Максимов 1937, 292).

²⁷ Ср.: «1. Кругъ московскихъ учениковъ разросся, и сътъ мистиковъ покрыла Москву.

2. Въ каждомъ кварталѣ жило по мистикѣ; это было извѣстно квартальному.

3. Всѣ они считались съ авторитетомъ золотобородаго аскета, готовящагося въ деревнѣ сказать свое слово.

4. Одинъ изъ нихъ былъ спеціалистъ по Апокалипсису. Онъ отправился на сѣверъ Франціи наводить справки о возможности появленія грядущаго звѣря.

5. Другой изучалъ мистическую дымку, сгустившуюся надъ міромъ.

6. Третій ѣхалъ лѣтомъ на кумысъ; онъ старался поставить вопросъ о воскресеніи мертвыхъ на практическую почву.

7. Четвертый ѣздилъ по монастырямъ интервьюировать старцевъ.

8. Иной боролся въ печати съ санктъ-петербургскимъ мистикомъ, иной раздувалъ искорки благодати» (Белый 1902б, 147—148).

²⁸ Vox, 'У проф. Д. И. Менделеева: О «международномъ психологическомъ институтѣ»', *Петербургская газета*, 1900, 12 октября, № 281, 2.

²⁹ РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 97, л. 62, 60—60 об.

³⁰ Там же, л. 57—57 об.

³¹ Там же, л. 54—55 об.

³² Там же, л. 72.

³³ На примере стихотворения о Голубиной книге можно видеть, как сложно в творческомъ процессе сочетались художественное переживание и работа ума. Именно по этому поводу Блок пишет Л. Д. Менделеевой 24 декабря: «<...> стихи и образы не рассудочны. Только форма их граниится рассудкомъ (окончательная), а содержание и, главное, „субстанція“ всегда выпевается изъ сердца прямо непосредственно. Воля, которая выражается в стихахъ, есть страстная, а не разумная воля» (Орлов 1971, 658).

³⁴ О виденияхъ Соловьева см. Benz 1969, 503, 586—590; Widnäs 1970.

³⁵ Ср. дневниковую запись 10.I 1902: «Приходитъ время, когда нужно решить такъ или иначе (потому что $\omega\kappa\iota\lambda\upsilon\phi\delta\acute{o}\varsigma$ <?> $\Sigma\phi\acute{\iota}\gamma\acute{\xi}$ не можетъ ждать в вечности)» (7: 21; с гипотетическимъ исправлениемъ опечатокъ).

³⁶ РГАЛИ, ф. 446 (В. С. Соловьев), оп. 1, ед. хр. 40, л. 26 об. (без даты).

³⁷ Первымъ появлениемъ Софии у Блока Белый считаетъ строки:

То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы, —

(1: 53)

законченныя 29.VII 1900, за два дня до смерти Соловьева [см.: ИРЛИ, ф. 79 (Р. В. Иванов-Разумник), оп. 3, № 32, л. 10].

³⁸ О символическомъ значеніи образовъ змея и голубки см. Leisegang 1939; Daniélou 1954.

³⁹ ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, № 32, л. 48.

- ⁴⁰ Ср. теперь Betz 1963.
- ⁴¹ К моменту написания мемуаров Белого уже имелось капитальное исследование гностических учений (Поснов 1917; ср. Orbe 1955—1966; Simonetti 1966; Stead 1969; Farina 1970; Christ 1970; Tröger 1971; и др.).
- ⁴² Синий цвет занимает в спектре промежуточное положение между голубым и фиолетовым.
- ⁴³ Более подробно и с примерами см. раздел «Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета» (Флоренский 1914, 552—576).
- ⁴⁴ ИРЛИ, ф. 654 (А. А. Блок), оп. 1, № 3, л. 21—21 об. (автографическая тетрадь стихотворений, в которой «Голубиная книга» помещена под № 17).
- ⁴⁵ РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 97, л. 61 об.
- ⁴⁶ Искусствоведческую характеристику рукописи см. Кондаков 1915, 15—16.
- ⁴⁷ См.: *Речь*, 1910, 5 (18) декабря, № 334 (1572), 5; 13 (26) декабря, № 342 (1580), 2; 15 (28) декабря, № 344 (1582), 5; ср. Батюшков 1910.
- ⁴⁸ Публикация предваряется сообщением: «Докладъ прочитанный на торжественномъ засѣданіи Религіозно-Философскаго Общества въ Москвѣ, посвященномъ памяти В. С. Соловьева, 10 февраля 1911 года». Однако под статьей значится: «14 Декабря 1910 г.» (Иванов 1911, 32 примеч., 44).
- ⁴⁹ Ср. завершающие строки стихотворения Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...»: <...> *Весь пламенѣющій побѣдными огнями // Меня дождется мой завѣтный храмъ* (Соловьев 1921, 84).
- ⁵⁰ Храм строился в 1837—1880 гг. «в память счастливого окончания Отечественной войны и избавления родины от величайшей опасности». Архитектор — академик К. А. Тон; в росписи принимали участие Бруни, Васнецов, В. Маковский, Верецагин, Семирадский, Суриков. Собор вмещал 10000 человек (см. ИМ, III: 666—668, 677—678; IV: 824—825).
- ⁵¹ См.: «Конец всемирной истории: Лекция Вл. С. Соловьева», *Ребус*, 1900, № 11, 100. В опубликованном тексте «Краткой повести об антихристе» этого места нет (см. Соловьев 1901a, 556—582).
- ⁵² РГАЛИ, ф. 1796 (П. П. Перцов), оп. 1, ед. хр. 1—9.
- ⁵³ ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1434, л. 2—2 об. (июнь 1902).
- ⁵⁴ Там же, № 1435, л. 1—1 об. (30.VI 1902).
- ⁵⁵ Там же, № 1436, л. 1 об. (12.VII 1902).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бальмонт, К. Д.: 1909, *Зеленый Вертоград: Слова поцелуйные*, С.-Петербург.
- Бассин, Ф. В.: 1968, *Проблема бессознательного: (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности)*, Москва.
- Батюшков, Ф.: 1910, «Памяти Вл. С. Соловьева: (К 10-летию кончины)», *Речь*, 15 (18) декабря, № 344 (1582), 3.
- Бельй, А.: 1902a, «Певница», *Мир искусства*, т. 8, № 11, 302—304.
- Бельй, А.: 1902b, *Симфония (2-я. Драматическая)*, Москва.

- Белый, А.: 1922а, 'Воспоминания об Александре Александровиче Блоке', *Записки Мечтателей*, № 6, 5—122.
- Белый, А.: 1922б, 'Воспоминания о Блоке', *Эпопея*, № 3, 125—310.
- Белый, А.: 1922в, *Поэзия слова*, Петербург.
- Бессонов, П.: 1861, *Калеки переходные: Сборник стихов и исследование*, Москва, ч. I, вып. 2.
- Блок, А.: 1927, *Письма Александра Блока к родным*, С предисловием и примечаниями М. А. Бекетовой, Ленинград, [т. 1].
- Блок, А.: 1960—1963, *Собрание сочинений: В 8 т.*, Москва — Ленинград, т. 1, 4, 5, 7, 8.
- Блок, А.: 1965, *Записные книжки, 1901—1920*, Москва.
- Брунов, Н.И.: 1966, 'Архитектура Византии', *Всеобщая история архитектуры: В 12 т.*, Ленинград — Москва, т. 3: *Архитектура Восточной Европы: Средние века*, 16—160.
- Брюсов, В.: 1927, *Дневники, 1891—1910*, Приготовила к печати И. М. Брюсова, Примечания Н. С. Ашукина, Москва.
- Буренин, В.: 1903, 'Критические очерки', *Новое Время*, 25 апреля (8 мая), № 9747, 2.
- Бутлеров, А. М.: 1889, *Статьи по медиумизму*, С.-Петербург.
- Герден, А. И.: 1956, *Собрание сочинений: В 30 т.*, Москва, т. IX: *Былое и думы, 1852—1868*, ч. IV.
- Гиппиус, Э.: 1908, А. Крайний (Э. Гиппиус), *Литературный дневник (1899—1907)*, С.-Петербург 1908.
- Гринякин, Н.: 1903, 'О религиозно-философских собраниях и «Новом пути»: (Отголоски): «Кого ищете?»', *Миссионерское обозрение*, 1903, № 9, 1379—1389; № 10, 1494—1507.
- Записки — Записки Петербургских Религиозно-Философских Собраний (1902—1903 гг.)*, С.-Петербург 1906.
- Зоргенфрей, В. А.: 1922, 'Александр Александрович Блок: (По памяти за 15 лет, 1906—1921 гг.)', *Записки Мечтателей*, № 6, 123—154.
- Иванов, В.: 1911, 'О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания', *Сборник первый: О Владимире Соловьеве*, Москва, 32—44.
- ИМ — История Москвы: В 6 т., Москва 1954, т. III, IV.
- ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Рукописный отдел (С.-Петербург).
- ИФ — История философии в СССР: В 5 т., Москва 1971, т. 4.
- Клибанов, А. И.: 1965, *История религиозного сектантства в России: (60-е годы XIX в. — 1917 г.)*, Москва.
- Кондаков, Н. П.: 1915, *Иконография Богоматери*, Петроград, т. II.
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Москва 1970, т. 1: 1898—1917.
- Максимов, Д.: 1930, '«Новый Путь»', В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов, *Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы*, Ленинград 1930, 129—254.
- Максимов, Д.: 1937, 'Валерий Брюсов и «Новый Путь»', Публикация Д. Максимова, *Литературное наследство*, Москва, [т.] 27/28.

- Мельников, П.: 1868, 'Тайные секты', *Русский Вестник*, т. LXXV, № 5, 5—70.
- Менделеев, Д. И.: 1954, 'Мировоззрение' [1905], Д. И. Менделеев, *Сочинения*, Москва — Ленинград, [т.] XXIV.
- Меньшиков, М.: 1903, 'Из писем к ближним: Титан и пигмей', *Новое Время*, 23 марта (5 апреля), № 9716, 2—3.
- Орлов, В.: 1964, 'Некоторые итоги и задачи советского блоковедения', *Блоковский сборник: Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 года*, Тарту 1964, 507—521.
- Орлов, В. Н.: 1971, 'История одной любви', В. Н. Орлов, *Пути и судьбы: Литературные очерки*, Ленинград, 636—743.
- Очерк — 'Краткий очерк развития спиритуализма в России', *Ребус*, 1887, т. VI, № 20, 207—210.
- Павлович, Н.: 1922, 'Из воспоминаний об Александре Блоке', *Феникс: Сборник художественно-литературный, научный и философский*, Москва, кн. 1, 154—157.
- Перцов, П.: 1899, *Философские течения русской поэзии: Избранные стихотворения*, Составил П. Перцов, Издание 2-е, С.-Петербург.
- Перцов, П.: 1902, *Первый сборник: Славянофильство; Литература и театр; Путевые очерки*, С.-Петербург.
- Перцов, П.: 1922, *Ранний Блок*, Москва.
- Перцов, П.: 1933, *Литературные воспоминания, 1890—1902 гг.*, Москва — Ленинград.
- Поснов, М. Э.: 1917, *Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним*, Киев.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
- Розанов, В. В.: 1914, *Апокалипсическая секта: (Хлысты и скопцы)*, С.-Петербург.
- Семенов, Н.: 1967, 'Незабываемое', *Наука и жизнь*, № 10, 30—35.
- Сергий: 1901, Архиепископ Сергий, *Полный месяцеслов Востока*, Издание 2-е, исправленное и много восполненное, Владимир, т. II.
- Синод — *О составе Святейшего Синода*, Калуга 1916.
- Слонимский, А.: 1921, 'Блок и Вл. Соловьев', *Об Александре Блоке*, Петербург, 265—283.
- Соловьев, В. С.: 1901а, 'Три разговора' [1899—1900], В. С. Соловьев, *Собрание сочинений*, С.-Петербург, т. VIII: (1897—1900), 453—582.
- Соловьев, В. С.: 1901б, 'История и будущность теократии: (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)' [1885—1887], В. С. Соловьев, *Собрание сочинений*, С.-Петербург, т. IV: (1883—1887), 214—588.
- Соловьев, В. С.: 1912, 'О духовной власти в России' [1881], В. С. Соловьев, *Собрание сочинений*, С.-Петербург 1912, т. III: (1877—1884), 227—242.
- Соловьев, В. С.: 1913, 'Оправдание добра: Нравственная философия', В. С. Соловьев, *Собрание сочинений*, С.-Петербург 1913, т. VIII: (1894—1897), 1—516.
- Соловьев, В.: 1921, *Стихотворения*, Издание 7-е, Москва.
- Соловьев, С.: 1925, 'Воспоминания об Александре Блоке', *Письма Александра Блока*, Ленинград, 9—45.

- Список — 'Список подписчиков журнала «Новый Путь»', *Новый Путь*, 1903, № 12, 225—226 (1-й пагинации).
- Сурский, И. К.: 1938, *Отец Иоанн Кронштадтский*, Белград.
- Труфанов, С.: 1917, Илюдодор (С. Труфанов), *Святой черт: (Записки о Распутине)*, Москва 1917.
- Фасмер, М.: 1964, *Этимологический словарь русского языка*, Москва, т. I: (А — Д).
- Флоренский, П.: 1904, 'О символах бесконечности: (Очерк идей Г. Кантора)', *Новый Путь*, № 9, 173—235.
- Флоренский, П.: 1914, *Столп и Утверждение Истины: Опыт православной феодальности в двенадцати письмах*, Москва.
- Флоренский, П.: 1922а, 'Храмовое действо, как синтез искусств' [1918], *Маковец*, № 1, 28—32.
- Флоренский, П.: 1922б, 'Небесные знамения: (Размышление о символике цветов)' [1919], *Маковец*, № 2, 14—16.
- ФЭ — *Философская энциклопедия*, Москва 1964, т. 3; 1970, т. 5.
- Хомяков, А. С.: 1911, 'По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Кириевского', А. С. Хомяков, *Полное собрание сочинений*, Издание 4-е, Москва, т. 1, 259—281.
- Цинговатов, А. Я.: 1926, *А. А. Блок: Жизнь и творчество*, Москва — Ленинград.
- Чулков, Г.: 1922, *Стихотворения*, Москва.
- Чулков, Г.: 1930, *Годы странствий: Из книги воспоминаний*, Москва.
- Avrich, P.: 1967, *The Russian Anarchists*, Princeton, N. J.
- Bénézit, E.: 1954, *Dictionnaire critique et documentaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs de tous les temps et de tous les pays par un groupe d'écrivains spécialistes français et étrangers*, Nouvelle édition entièrement refondue, revue et corrigée, [Saint-Ouen (Seine)], t. 7: Poute — Sny.
- Benz, E.: 1969, *Die Vision: Erfahrungsformen und Bilderwelt*, Stuttgart.
- Betz, O.: 1963, *Der Paraklet: Fürsprecher im häretischen Spätjudentum, im Johannes-Evangelium und in neu gefundenen gnostischen Schriften*, Leiden — Köln (= Arbeiten zur Geschichte des Spätjudentums und Urchristentums; [Bd.] II).
- Casel, O.: 1919, *De philosophorum Graecorum silentio mystico*, Giessen (= Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten; Bd. XVI, H. 2).
- Casel, O.: 1941, 'Glaube, Gnosis und Mysterium', *Jahrbuch für Liturgiewissenschaft*, Bd. XV (mit Literaturbericht 1935), 155—305.
- Christ, F.: 1970, *Jesus Sophia: Die Sophia-Christologie bei den Synoptikern*, Zürich (= Abhandlungen zur Theologie des alten und neuen Testaments; Bd. 57).
- Clasen, K.: 1956, *Die Arcana in der alten Kirche*, Heidelberg.
- Daniélou, J.: 1954, 'La Colombe et la Ténèbre dans la Mystique Byzantine Ancienne', *Eranos-Jahrbuch*, Bd. XXIII, 389—418.
- Farina, R.: 1970, 'Lo gnosticismo dopo Nag-Hammadi: Fonti-Origine-Dottrina', *Salesianum*, annus XXXII, № 3, 425—454.
- Hermann, A., M. Cagiano di Azevedo: 1957, 'Farbe', *Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt*, Stuttgart, Lfg. 51: Familie I (Forts.) — Fasten, Sp. 358—447.

- Ivanov, V.: 1962, *Свет вечерний*, With an Introduction by M. Bowra and Commentary by O. Deschartes, Edited by D. Ivanov, Oxford.
- Leisegang, H.: 1939, 'Das Mysterium der Schlange: Ein Beitrag zur Erforschung des griechischen Mysterienkultes und seines Fortlebens in der christlichen Welt', *Eranos-Jahrbuch*, [Bd. VII], 151—250.
- Macrae, G. W.: 1970, 'The Jewish Background of the Gnostic Sophia Myth', *Novum Testamentum*, vol. XII, fasc. II, 86—101.
- Mensingh, G.: 1926, *Das heilige Schweigen: Eine religionsgeschichtliche Untersuchung*, Giessen (= Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten; Bd. XX, H. 2).
- Meschkowski, H.: 1967, *Probleme des Unendlichen: Werk und Leben Georg Cantors*, Braunschweig.
- Orbe, A.: 1955—1966, *Estudios valentinianos*, Roma 1955, vol. II; 1956, vol. V; 1958, vol. I/1, I/2; 1961, vol. III; 1966, vol. IV (= Analecta Gregoriana; vol. LXV, LXXXIII, XCIX, C, 113, 158; Series Facultatis Theologicae, sectio A, n. 11, 15, 17—20).
- Rohault de Fleury, [C.]: 1878, *La sainte Vierge: Études archéologiques et iconographiques*, Paris, t. I.
- Scheibert, P.: 1964, 'Die Petersburger religiös-philosophischen Zusammenkünfte von 1902 und 1903', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 12, H. 4, 513—560.
- Scherrer, J.: 1973, *Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901—1917)*, Berlin — Wiesbaden (= Historische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin; Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; Bd. 19).
- Schultze, B.: 1970, 'Orthodoxe Kritik an der Ekklesiologie Chomjakovs: (Archimandrit Charkianakis und A. Stavrovskij): [Teil I]', *Orientalia Christiana Periodica*, vol. XXXVI, fasc. II, 407—431.
- Simonetti, M.: 1966, 'ΨΥΧΗ e ΨΥΧΙΚΟΣ nella Gnosi valentiniana', *Rivista di storia e letteratura religiosa*, anno II, № 1, 1—47.
- Stead, G. C.: 1969, 'The Valentinian Myth of Sophia', *The Journal of Theological Studies, New Series*, vol. XX, part 1, 75—104.
- Strelka, J.: 1970, 'Esoterische Symbolik in der Literatur', *Literatur und Kritik*, Bd. V, H. 41, 278—288.
- Tröger, K.-W.: 1971, *Mysterienglaube und Gnosis im Corpus Hermeticum XIII*, Berlin (= Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Bd. 110).
- Tschizewskij, D.: 1961, *Rußland zwischen Ost und West: Russische Geistesgeschichte II: 18.—20. Jahrhundert*, Reinbek bei Hamburg (= Rowohlts deutsche Enzyklopädie; [Bd.] 122).
- Werner, E.: 1946, '«Hosanna» in the Gospels', *Journal of Biblical Literature*, vol. LXV, 97—122.
- Widnäs, M.: 1970, 'Vladimir Solovjovs mystisches Erlebnis', *Mysticism: Based on Papers read at the Symposium on Mysticism held at Lbo on the 7th—9th September, 1968*, Stockholm, 125—140 (= Scripta Instituti Donneriani Aboensis; 5).